

П Р О З А

Анатолий Михайлов

П О К Р О В С К И Й Б У Л Ъ В А Р

Возле витрины я и мой корешок Сема по кличке Горбонос. У Семы белесые брови, прекрасный рыжий чуб и совершенно синие наглые глаза.

— Заделаем? — мечтательно шепчет Сема.

— Погоди.

За витриной — "Золотой ключик", "Петушок", "Красная шапочка".

— Заделаем?

— Погоди, — шепчу я.

Выбираю "Красную шапочку" и тихонько отодвигаю стеклышко.

— Атас! — отдергиваю руку и замираю.

— Ну и конек же ты, — смеется Сема, — ну и конек!

— Сволочь, — шепчу я Семе, — гадина... — и снова отодвигаю стеклышко.

"Красная шапочка". Я хватаю ее за фантик и оборачиваюсь. Роняю. Снова оборачиваюсь. Снова хватаю.

— Атас, — снова шепчет Сема и исчезает.

Кто я теперь? Теперь я вор. Теперь я не какой-нибудь там фрайер. Теперь я жиган Толик по кличке Сундук.

— Ну что, конек, заделал? — улыбается Сема и протягивает руку, — где "Красная шапочка"?

— Где? А вот где! — и прямо с фантиком запихиваю "Красную шапочку" в рот.

— Сема разворачивается и бьет.

Я взвизгиваю, бросаюсь на Сему и начинаю его душить. Потом валю. Потом начинаю стучать Семиной головой об асфальт. При каждом ударе об асфальт Семина голова издает металлический звон... Потом я открываю глаза и слышу куранты. Мне пора в музыкальную школу.

К Р Ы Л Ь Я

Старшего брата Кольки Лахтикова прозвали Башмак. Пришел он как-то раз в обувной, свои-то ботинки снял, а в новых /наверно, впопыхах перепутал/ ушел. И на несколько лет пропал. Но прозвище осталось.

А на первом этаже жил Бусурман, ему всегда били стекла. Или привяжут к веревке камень и давай раскачивать: камень по стеклу тюкает, и Бусурман нервничает, у него окно прямо под пожарной лестницей. Все уже давно на крыше, а я всё стою и смотрю.

Бывало, на дворе еще лето, а он почему-то в валенках. Выскочит из подъезда и давай размахивать кулаком. А сам в это время орет: / Бусурма-а-ны!!! - И сверху еще кто-нибудь плюнет.

Все кричат мне "Атас!", а я и не знаю, что делать. И продолжаю стоять. Зачем же я буду от него убегать, когда это совсем не я.

Бусурман меня схватит за шиворот и давай трясти. Или пригнет сверху вниз голову и водит. Как будто отвешивает поклон. Пальцы у него цепкие, даже как-то странно, такой с виду сморщенный. Я от него вырываюсь, а на крыше в это время улюлюкают. И еще стучат ногами по кровле. Как в барабан.

Зато если кто-нибудь меня оскорбит не во дворе, а где-нибудь на Чистых прудах или на Хитровке — тогда уже шутки в сторону. Один за всех и все за одного. Такой закон.

Как-то с Семой идем по проспекту Серова, а на лавочке сидят, человек пять. И один вдруг подваливает.

— Ну, чё... — это он мне так небрежно цедит, — ну, чё смотришь... — и, сострив рожу, двигает во рту фиксами. Как будто припадочный. И вдруг, уже занеся "граблю", в последний момент резко ее отдергивает. Хочет меня взять на испуг. У нас в подворотне так умеет каждый. Когда за спиной кодла.

Я-то сразу не ожидал и дрогнул, даже не дрогнул, а просто отстранился. Но это уже не прощается. А он, конечно, доволен и опять давай двигать фиксами.

— Ну, чё... — улыбается, — чё дергаешься-то... — и вдруг хватает меня двумя / пальцами за нос.

Вываться-то я, понятно, вырвался, а чтобы с достоинством "тырнуть" ему "головкой", замешкался. Такие вещи надо делать без промедления. А я стою и думаю.

— Ну, ладно, — говорит, — иди... Воруи, пока трамваи ходят...

А Сему даже не тронули. Его сначала тоже обступили, те остальные, что сидели на лавочке вместе с фиксатом, но Сема им что-то сказал, и они тут же его отпустили. Это он умеет. А когда пошли дальше, то всё ещё у меня, улыбаясь, допытывался — ну, как мне было — приятно? — он-то, сука, всё видел, как фиксатый держал меня за нос, всё, подлюка, напрашивался, пока я на него не набросился. Я хотел ему вцепиться в горло, но Сема все уворачивался. А потом все-таки изловчился и расквевнял мне губу.

Я ещё целую неделю ходил на них смотреть, они, эти пятеро, всегда сидели на той же самой лавочке и всё в том же составе; встану на другой стороне и между деревьями наблюдаю. Всё придумывал, что бы им такое сказать, ведь нельзя же просто так к человеку подойти и молча его ударить. Они уже, наверное, про меня забыли. А Сема за мной тоже следил и всё рассказал ребятам. И ребята меня во дворе окружили.

— Ну, что, — улыбаются, — Сундучок, обидели?

— Да нет, — говорю, — кто это вам такое сказал?

Тогда Бабон оттягивает мне на животе кожу и начинает делать "макароны". А другой рукой уже отсекает. И снова оттягивает.

А Петушок всё вертится и приговаривает: — Ребята, отпустите... ему ведь больно... — и все заглядывает мне снизу вверх в глаза.

Оказывается, своим поведением я уронил честь нашего двора. И теперь, чтобы смыть позор, мы должны идти всем коллективом.

Ну, и пошли, человек, наверное, двадцать, или двадцать пять. Все, конечно, приосанились, поправили кашне. А Двор Иваныч даже начистил сапоги, я ему ещё выносил гуталин.

Сначала громыхали по булыжнику переулками, а потом сомкнутой шеренгой по Маросейке. На весь тротуар. И все от нас с уважением шарахаются. Или с почтением жмутся.

Когда я ходил на них смотреть один, то всё старался вспомнить, какие у фикастого пальцы и какая все-таки пахла Сёма, а теперь, когда нас такая кодла, а их всего только пятеро, то как-то вдруг сделалось фикастого жалко. Не то, чтобы жалко, а просто расхотелось его бить.

Я его, правда, тоже схватил двумя пальцами за нос, но бить не стал. Немного подержал и отпустил. Он еще у меня попросил прощения.

— Извини, — говорит, — друг, обознался. — И я его извинил.

А те, четверо, поджали хвосты и сидят, помалкивают. Как бы тоже не схлопотать.

А Бабон все-таки фикастого ударил. И Андрюша тоже. Двор Иваныч держит, а Андрюша с Бабоном бьют. И даже Петушок — тоже ткнул. "За нашего Сундучка".

А когда вернулись во двор, то ребята мне сделали "крылья". За то, что я фикастого пожалел.

Колька Лахтиков сел мне на спину, а Бабон с Андрюшей выкрутили каждый по руке. И потом на каждое крыло нажимают. Пока не закричу.

ПОКРОВСКИЙ БУЛЬВАР

I

Смеркается. В подворотне пустынно. С нависшего над бульваром неба падают редкие хлопья. Хлопья ложатся на ветки тополей. На ветке сидит ворона. Над вороной мигает транспарант.

Выходит Скоморох. В засаленных космах овчины неряшливый полущубок. Ухо ушанки сдвинуто на лоб. Что-то высматривает. Возле урны натывается на консервную банку и носком башмака подталкивает ее на свет.

Трезвоня и лязгая, со скрежетом проносится "Аннушка". Транспарант потух. Ворона закаркала и улетела.

Скоморох пробрасывает себе на ход и, сложившись в замахе, бьет с разворота левой. Вытаскивает "банку" из ворот и, протарахтев обратно к фонарю, теперь лупит правой...

Стемнело. Появляется Двор Иваныч. Двор Иваныч карманник. Его только недавно освободили.

За Двор Иванычем тянутся и остальные: Андрюша, Валерик, Бабон. Пристраиваемся и мы с Анисимом.

Теперь нас солидная компания. Сначала мы молчим.

Скоморох долбаёт банку. Двор Иваныч засовывает ~~ноги~~ в нос палец. Андрюша выкурил чинарик и теперь цыркает. Он старается попасть в урну, и все мало-помалу обращают к Андрюше свои взоры.

Попадет или не попадет?

Молчание нарушает Двор Иваныч.

— Скоморох, а, Скоморох... — мечтательно тянет Двор Иваныч, — по маленькой, а, Скоморох?

Скоморох на мгновение прерывается, тербит ушанку, не спуская с банки глаз, искоса поглядывает на Двор Иваныча и снова принимается за банку.

— Ну, чё ты, — уговаривает Двор Иваныч, — чё зажимаешь?.. Четвертачок-то, а? В пистончике-то, а? Огурчики солененькие, а?! — Двор Иваныч улыбается и с шумом втягивает слюну.

Скоморох опять прерывается и снова тербит ушанку.

— Ну, чего ты? — укоризненно произносит Скоморох и вдруг резко поворачивается в сторону соседа — маленького Валерика.

Валерик в блестящих сапогах, и сапоги торчат безразлично, вызывая и независимо.

— Во, у него... — словно он почувал, наконец, преступника, выпаливает Скоморох и тычет в Валерика рукавицей, — во, у него... есть...

Валерик поворачивается к Скомороху: — Иди, сука... — и, сплюнув, отворачивается.

— Темнишь ты, Скоморох... — нервно замечает Двор Иваныч, и лицо Скомороха вдруг проясняется, делается загадочным и даже каким-то нежным.

— Вчера с Хитровки... — начинает он вдруг увлеченно, — фрайера... падла... приходим мы... сука... а их... падла... кодла...

— Когда?

— Чего когда? — удивляется Скоморох.

— Когда врать-то кончишь?

Двор Иваныч доволен. Скоморох остервенело долбит банку...

4

Подходят двое. Над шелковыми кашне треугольники челок.

— Слыхали? Толика из 3/12 забрали.

Мы молчим.

— Это Рука, фрайер... — роняет кто-то из нас /Рука — однорукий жиган с соседнего двора/.

— Раскололся, дешевка... — подтверждает один из подошедших.

— Мстит, паскуда... — высказывает предположение другой.

— С "мусорами" снюхался, — сплевывая и исчерпав запас мыслей, заключает первый и снова сплевывает.

5

— Девушка, а девушка! — мимо нас, опасливо на нас косясь, простукивает каблучками женщина, — куда же вы, девушка?!

Ей вдогонку летят снежки, и один из них задевает ковыляющую навстречу старуху. — Бабушка, вам помочь?

— Хулюганы... — останавливается старуха и отряхивается, — хулюганье проклятое...

— Тихо, бабка... Тихо.

6

— Пойдем, — поворачиваюсь я к Анисиму, — пойдем отсюда.

— Подожди, — отвечает мне Анишим, — постоим, а чего?

И мы с ним стоим, и ко мне вдруг подваливает Двор Иваныч.

— Сундучок, — ласково трется возле меня Двор Иваныч, — а, Сундучок... Дай червончик до получки... Бля буду отдам...

— Нету... — расстроено признаюсь я Двор Иванычу, — нету, — говорю я, — денег, Боря.

Двор Иваныч хмурится, но против обыкновения отходит.

7

К Анисиму прилепился Бабон. Долговязый и грязный, Бабон перегибается и начинает Анишима обыскивать.

— Дай, падла, пятерку... — упорно требует Бабон, и Анисим молчит, — дай, сука, трешку... дам стакан подержать /Бабон намекает, что оставит выпить/... — Но Анисим продолжает молчать.

Тогда со словами "Ну, рубль-то, мразь, найдется..." Бабон добирается до запазухи, вытаскивает оттуда пятерку и отваливает.

...